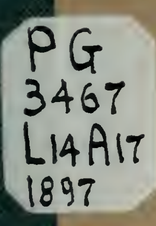

Laptev, V V
Stikhotvoreniia

СТИХОТВОРЕНІЯ

В. В. ЛАПТЕВА.

Изданіе А. А. ВОЛКОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Д. В. Чичинадзе. Невскій проспектъ, д. № 88.
1897.

СТИХОТВОРЕНІЯ

В. В. ЛАПТЕВА.

Изданіе А. А. ВОЛКОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Д. В. Чичинадзе. Невскій проспектъ, д. № 88.
1897.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 Октября 1897 г.

Бывшему ученику
Уважаемому Н. П. Тр[illegible]-
кому от автора
на память
1901 г. [illegible]

СТИХОТВОРЕНІЯ

В. В. Лаптева.

ГЛУБОКОУВАЖАЕМОМУ

АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

ВОЛКОВУ.

Посвященіе.

Чтобъ Васъ потѣшить старый шутъ,
Паяцъ и гаеръ старомодный.
Чего не понаплелъ онъ тутъ.
Здѣсь Вы найдете что угодно:
Сантиментальные стихи,
Куплеты, присказки и прозу.
Свои осмѣяны грѣхи.
Чуть, чуть поэзіи есть—доза.
Но ѣдкаго и злого нѣтъ.
. . . .
. . . .
Пусть не смущаютъ Васъ слезинки.
Посредствомъ ножичка, резинки
Ихъ можетъ выскоблить поэтъ.

1897 г. 1 октября.

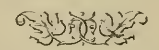

Размышленіе танцовальнаго учителя.

Посвящается Ванѣ Легатъ.

Подъ часъ печальна жизнь танцора.
Хоть весела она на видъ,
Но разсудивъ, пойметъ всякъ скоро,
Что вѣдь и въ немъ душа болитъ.
Въ семьѣ кричатъ—кормить изволь-ка...
Хозяинъ въ судъ несетъ контрактъ.
А тутъ танцуй-ка вальсъ и польку
И улыбайся имъ подъ тактъ.
Какъ много въ сердцѣ наболѣломъ
Невидимыхъ тяжелыхъ ранъ!..
Чего тамъ въ немъ не накипѣло,
А тутъ отхватывай канканъ,
Или сознавъ, что всѣ забыли,
Что для тебя міръ пустъ и хмуръ,

Ты въ разухабистой кадрили
Не перепутывай фигуръ.
Подъ часъ измучась безъ копѣйки,
Ты думаешь: пришелъ конецъ...
А тутъ въ мазуркѣ вновь съумѣй-ка
Блестяще сдѣлать «голубецъ».
Или когда придется лихо,
Иль чтобъ забыть reves du passè [1])
Изъ кабачка степенно-тихо
Домой плетешься «ballancè» [2]).
А поутру все та же пѣсня:
Chassè, pliè, jetè, ronjambes [3]).
А голова хоть просто тресни,
Ну, тутъ и выпьешь en avant [4]).
Пляши всю жизнь, пока есть силы,
Пока въ тебѣ сидитъ душа,
До той поры, пока въ могилу
Придется сдѣлать entre chat [5]).

---

[1]) Грезы прошлаго.

[2]) Покачиваясь.

[3]) Названія па.

[4]) Впередъ.

[5]) Прыжокъ.

Степь.

Уснула степь.—Огни погасли.
Народъ усталый спитъ.
Понуривъ голову на ясли.
Уныло конь стоитъ.
Заснуло все, лишь изрѣдка шелохнетъ ива
Своимъ трепещущимъ листомъ,
А степь широкая раскинулась красиво
Обширнымъ бархатнымъ ковромъ.
Отрадно здѣсь и быть и любоваться
Природы чудною красой;—
И, кажется, готовъ-бы цѣлый вѣкъ скитаться
По степи чудной и родной.

Посвящается

Іосифу Феликсовичу Кшесинскому.

Горныя вершины
Спятъ во тьмѣ ночной.
Лермонтовъ.

Спитъ страна родная—
Дивныхъ грезъ полна.
По рѣкѣ играя,
Катится волна.
Кротко смотритъ въ Волгу
Мѣсяцъ съ высоты.
Потерпи недолго... —
Отдохнешь и ты...

Къ родинѣ.

Кругомъ все степь, да жаръ, да зной.
Гладь, да глушь такая:
Жаль разстаться мнѣ съ тобой
Сторона родная!

Жизнь не красна мнѣ выпала на долю,
Молись, терпи и все въ себѣ скрывай,
Не бойся грусти и слезамъ дать волю.
Но людямъ замѣчать слѣдовъ ихъ не давай,
Гони съ лица слѣды слезъ, муки
И грусти тѣнь съ чела гони,
Чтобы на немъ не видно было скуки,
Когда встрѣчаешься съ людьми.
Зачѣмъ имъ знать души страданья!
Къ чему имъ слышать вопль чужой!
И сердца пылкаго мечтанья —
Пусть все останется со мной!
Пусть горе, грусть и вся души тревога,
Пусть все живетъ со мной наединѣ!
Но въ сердцѣ у меня надежда есть на Бога,
Она не дастъ совсѣмъ споткнуться мнѣ.

Труженикъ.

Впалыя щеки, лицо все измятое —
Много, знать, видѣлъ труда...
Эхъ, привязалась ты, бѣдность проклятая,
Счастья-же нѣтъ и слѣда.
Весь день сидишь за работой тяжелою,
Спину больную все гнешь,
Да про тяжкую жизнь невеселую
Пѣсню сквозь слезы поешь.
Тихо звучитъ твоя пѣсня унылая,
За сердце такъ и беретъ...
Скоро быть можетъ и жизнь опостылая,
Такъ же, какъ пѣсня, замретъ.

Чего-то жаль мнѣ, а чего не—знаю:
Прошедшей жизни ли? уснувшихъ ли
страстей?
И грустно станетъ мнѣ, когда я вспоминаю
О бѣдной юности моей.
И для чего тѣснится въ грудь воспоминанье
О томъ, что минуло, окончилось, прошло;
Къ чему безумныя неясныя желанья,
Зачѣмъ прошедшее вдругъ въ сердцѣ ожило?
И всѣ и все что дорого мнѣ было,
Все промелькнуло вдругъ, такъ ясно предо
мной.
И въ головѣ запала мысль уныло,
Зачѣмъ же все прошло съ такою быстротой,

И гдѣ-жъ тѣ радости и тѣ надежды мо-
лодыя,
Съ которыми такъ мало пожилось.
И гдѣ тѣ дни и грезы золотыя—
Все пронеслось, все пронеслось!
И гдѣ-же ты мой идеалъ былой,
И гдѣ все то, что жизнь мнѣ дать сбиралась,
Все пронеслось и унесло съ собой
И ничего мнѣ не осталось!

Неволя.

Иль у сокола крылья связаны.
Иль пути ему всѣ заказаны.

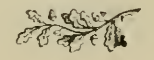
Кольцовъ.

Горькая неволя
Ты опять пришла.
Видно злая доля
Тебя подвела.
Въ далекѣ отъ милыхъ
День отъ дня грустнѣй,
Много думъ унылыхъ
Въ головѣ моей,
Опустились руки,
Омрачился взглядъ,

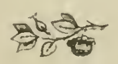
От тоски и муки
Убѣжать бы радъ.
Да куда же дѣнусь
Съ горемъ я своимъ.
Видно дружба завелася
Между мной и имъ!
Тихо все въ природѣ,
Сонъ вездѣ царитъ!
Только горе злое
На меня глядитъ.
Время спать, товарищъ!
Не терзай души,—
Ну, приляжемъ оба,
Да заснемъ въ тиши!..

Хотятъ узнать мои мечты,
Мечты завѣтныя, святыя,
Которыми привыкъ я тѣшить годы молодые
Среди невзгодъ и свѣтской пустоты.
Хотятъ узнать!.. и для чего-жь? чтобъ послѣ посмѣяться
И запретить мечтать о счастіи далекомъ.
Чтобъ осудить меня и съ злобой забавляться
Надъ чувствами души, нетронутой порокомъ!

Тихо мѣсяцъ въ небѣ ходитъ.
Съ неба къ намъ глядитъ.
Свой печальный лучъ наводитъ
И кроватку серебритъ.
А въ кроваткѣ тихо, нѣжно,
Кудри распустя,
Сладкимъ сномъ спитъ безмятежно
Милое дитя.
И на личикѣ прекрасномъ
Видѣнъ лишь покой...
Тускло свѣтитъ мѣсяцъ ясный
Съ тверди голубой.
Ярко звѣздочки мерцаютъ
Въ высотѣ небесъ,
Дивнымъ свѣтомъ озаряютъ
Отдаленный лѣсъ.

Звѣздочка.

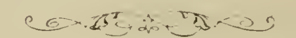
Звѣздочка свѣтлая,
Звѣздочка ясная,
Ярко ты въ небѣ горишь.
Тамъ изъ-подъ небесья,
Словно изъ терема,
Грустно на землю глядишь.

Пѣсня.

Что-то грустно мнѣ такъ,
Сердце ноетъ въ груди.
Что-то будетъ со мной
Впереди, впереди!..
Неужель не видать
Въ жизни красныхъ мнѣ дней,
Неужель не найти
Въ свѣтѣ добрыхъ людей!
Неужель не сыскать
Мнѣ души ни одной,
Что любила-бъ меня,
Не гнушалась бы мной.

Тяжело, тяжело
Одному въ свѣтѣ жить,
Когда нѣтъ никого,
Съ кѣмъ бы грусть раздѣлить...
Что-то будетъ со мной,
Что Богъ дастъ впереди.
Теперь горе одно
Въ наболѣвшей груди.

Мои пѣсни.

Пѣсни мои пѣсенки,
Пѣсенки завѣтныя
Не отдамъ васъ милыя
За сребро, за золото.
Вы мнѣ лучше золота,
Вы милѣе серебра,—
Пѣсни мои пѣсенки,
Пѣсни заунывныя.
Не разгонишь золотомъ
Грусть тоску великую,
А затянешь пѣсенку,
Какъ рукой все снимется...

Не хочу я золота,
Мнѣ не надо серебра,
Я готовъ остаться бы
При своей невзгодушкѣ,
Только-бъ пѣлись пѣсни мнѣ.
Мои пѣсни милыя;
Разгоню же ими я
Свою злу кручинушку.
Пѣсни мои пѣсенки,
Пѣсенки завѣтныя,
Пѣсни мои милыя,
Пѣсни заунывныя.

Тихо на кладбищѣ:
Ночь близка—темнѣетъ;
Воздухъ какъ-то чище—
Заревомъ краснѣетъ.
Солнце за горою.
И ужь скоро тьмою
Ночь весь міръ покроетъ.
За работой за день
Люди утомились;
Стихло все въ селеньѣ.
Всѣ угомонились.
Тихо... всѣ уснули.
Только мнѣ неспится.
Злое мое горе
Въ сердцѣ копошится...

Народная грузинская пѣсенка.

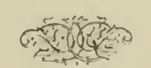
(Съ грузинскаго).

Прилетали птички, птички голубочки,
Я же съ проста думалъ, что-то соловьи,—
Вижу-ли гдѣ дѣвицъ, красныхъ дѣвицъ милыхъ,
Хочется мнѣ думать, что онѣ мои.

Брожу одинъ среди аллей,
Густыхъ березъ и сосенокъ вѣтвистыхъ,
На сердцѣ грусть и какъ-то тяжелѣй
Отъ пѣнья птичекъ голосистыхъ.
Тайкомъ отъ всѣхъ одинъ встаешь,
Лишь только солнца лучъ блеснетъ.
И бродишь по саду до полночи глубокой,
Покамѣстъ все уляжется, заснетъ;
Тогда опять домой бредешь
Измученный, усталый, одинокій
И бросишься въ кровать,
Какъ будто въ гробъ или въ отверзтую могилу;
Но вѣдь и тутъ тоска всю ночь мѣшаетъ спать
И не даетъ ни думать, ни мечтать
О томъ, что сердцу мило...

Колыбельная пѣсня.

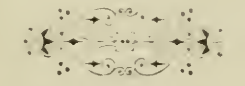
Усни, пока еще есть время.
Теперь безъ страха можешь спать
До той поры, пока поднять
Не привелося жизни бремя. —
А тамъ пойдутъ невзгоды, горе,
Полюбишь можетъ быть — и тутъ
Тоска, да слезъ ревнивыхъ море
Заснуть спокойно не дадутъ.
Усни, пока еще не можетъ
Быть въ головѣ тяжелыхъ думъ,
Пока сомнѣнье не тревожитъ
Младенческій неясный умъ.
Столкнешься быстро въ жизни грязной
Съ людьми, съ порокомъ съ клеветой.

Узнаешь видъ ихъ безобразный
И отъ души вздохнешь порой.
Быть можетъ не достигнешь цѣли.
Къ какой съ рожденья обреченъ.
И будетъ вѣкъ твой съ колыбели
Вплоть до могилы отравленъ.
И кончишь жизнь безъ назначенья.
Среди невзгодъ пустыхъ надеждъ.
Души всѣ лучшія стремленья
Быть можетъ сгибнутъ отъ невѣждъ.
И такъ, усни скорѣй малютка
У нѣжной любящей груди;
Вѣдь жизнь прожить, мой другъ, не шутка —
Темно, что будетъ впереди.

Осень; вѣтеръ воетъ,
Миновалось лѣто, кончилось, прошло.
Сердце такъ и ноетъ —
Грустно тяжело.
Ночь, а мнѣ не спится,
Вспомнилось былое...
Грудь моя томится,
Душитъ горе злое.
Прожитые годы
Встали предо мною,
Полные лишеній, грусти да невзгоды,
Шли они и мчались съ страшной бы-
стротою.

Всѣми я оставленъ, всѣми я забытый.
Даже и тобою...
Все что было близко, дорого и мило,
Все во мнѣ убито злой судьбы рукою.
Кто-же приголубитъ, кто-же приласкаетъ,
Кто своимъ участьемъ облегчитъ страданья?
На дворѣ погода, мрачно — не свѣтаетъ,
Слышны вѣтра стоны, бури завыванья.

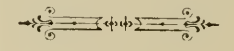
Тамъ гдѣ-то, далеко, надъ яркими звѣздами
Есть царство дивное, есть царство вѣчное.
Надъ солнцемъ, надъ луной, надъ небесами
Живетъ блаженство безконечное.

Какъ много перешло и горя и скорбей,
Любви отвергнутой, холодности людей:
И много горя и невзгоды
Я вынесъ въ дѣтскіе младые годы.
И сколько дней прошло безъ свѣта и тепла,
Среди заботъ, лишеній да печали,
И сколько въ эти дни душа перенесла,—
А годы шли и быстро пролетали —
Безъ счастья, безъ любви,
Безъ радостей, безъ назначенья,
Среди порока, грязи да сомнѣнья,
Задаромъ безотвѣтно пропадали
Души всѣ лучшіе порывы и стремленья.

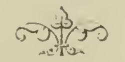

Никого не видать подлѣ гроба,
Свѣча лишь горитъ впереди.
И сложены блѣдныя руки
На бѣдной изсохшей груди.
И много работали руки,
И долго томилася грудь,
И вотъ, наконецъ, ты дождался —
Пришлось и тебѣ отдохнуть.

Тишина и покой въ храмѣ Божьемъ царять;
Въ сумракѣ ярко мерцаютъ лампады:
Въ стройномъ порядкѣ колонны стоятъ.
Между ними пришелъ поискать я отрады:
Тихо со страхомъ я въ храмѣ брожу,
Робко ступая на темныя плиты
И свой взоръ къ небесамъ возвожу,
Ожидая оттуда защиты...

Экспромтъ А. Н. С.

О не ропщи, мой другъ, что тяжкій жребій данъ,
Вѣдь намъ не измѣнить, такъ видно Богъ велитъ;
Не унывай—пословица гласитъ:
«Терпи казакъ, ты будешь атаманъ»!

Молитва.

Господи помилуй,
Господи прости!
Помоги всѣмъ, Боже,
Крестъ свой донести.
Дай всѣмъ крѣпость, силу,
Чтобы безъ роптанья,
Вынесть до могилы
Жизни испытанья.—
Господи помилуй,
Всѣхъ судьбой гонимыхъ,
Всѣхъ, чья жизнь проходитъ
Въ мукахъ нестерпимыхъ.
Заступи, Создатель,
Близкихъ мнѣ и дальнихъ,
Бѣдныхъ и богатыхъ,
Сирыхъ и печальныхъ.

Ниспошли всѣмъ, Боже,
Щедрою рукою—
Радостей, терпѣнья,
Мира и покоя.
Господи помилуй,
Господи прости!
Помоги всѣмъ, Боже,
Крестъ свой донести.

Старушка няня.

Нянюшка лѣниво
Колыбель качаетъ,
И сквозь сонъ тоскливо
Пѣсню напѣваетъ.
На дворѣ играетъ.
Свищетъ вьюга злая.
Няня все качаетъ,
Подъ носъ напѣвая.
У иконъ въ лампадкѣ
Огонекъ горитъ,
Няня у кроватки
Еле ужъ сидитъ
Вотъ и опустилась
Голова сѣдая.

И бормочетъ что-то
Няня, засыпая.
А въ кроваткѣ нѣжно
Спитъ «соколикъ Ваня»;
Подлѣ, какъ младенецъ, также безмятежно
Спитъ старушка няня.

Посвящается Н. Н. Нѣмчиновой.

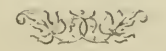
Не шумятъ березы
Въ рощѣ подъ горой.
И не льются слезы
Изъ очей рѣкой.
Гаснетъ западъ алый,
Всё вокругъ стемнѣло,
На душѣ усталой
Все закаменѣло;
Нѣтъ въ ней ни отзыва,
Нѣтъ въ ней ни привѣта,
И ни чьимъ участьемъ
Она не согрѣта.
Лучше-бъ вы шумѣли
Бѣлыя березы,
Лучше-бъ вы лилися
Горючія слезы.

Пошумитъ, повоетъ
Буря, да промчится,
А поплачешь вдоволь —
Горе уменьшится,
Тяжело до боли
Думать думу злую,
Такъ она смущаетъ
Душу молодую...
Дамъ-же слезамъ волю,
Пусть рѣкой прольются.
И пусть вмѣстѣ съ ними
Скорби пронесутся.

Народная колыбельная пѣсенка.

Спи дитя родное.
Богъ благословитъ!
Время золотое
Быстро пролетитъ.
Въ нашей жалкой долѣ,
Что же ожидать—
Будешь жить въ неволѣ.
Вѣкъ свой работать:
Много эти руки
Вынесутъ труда,
Много скорби, муки
Принесутъ года.

Вотъ село большое
На горѣ стоитъ,
Бѣлый снѣгъ по крышкамъ,
Какъ парча лежитъ.
Мрачно и угрюмо
Выглядитъ село,
Такъ его глубоко
Снѣгомъ занесло.
Ночь давно стемнѣло,
Людъ рабочій спитъ,
Лишь луна не небѣ
Какъ фонарь горитъ.
Ходитъ одиноко
Сторожъ по селу,
Слышно его пѣсню
Сквозь мятель и мглу.

Много въ этой пѣснѣ
Есть про грусть—тоску.
Тяжело пришлося,
Видно, бѣдняку.
Скучно въ ночь глухую
Одному бродить,
Думать одиноко,
Да себя крушить.
Вьюга такъ сердито
Вкругъ него гудётъ.
Ходитъ тихо сторожъ,
Ходитъ да поетъ.

Сильно поетъ сердце
У меня въ груди.
Вѣрно оно чуетъ
Что-то впереди.
Неужели горе
Снова посѣтитъ,
А когда-же радость,
Счастье прилетитъ?
Кажется, довольно
Горе ужъ гнело,
Право сердцу больно,
Право тяжело.

На письмо А. Н. С.

Не прельщайся жизнью.
Счастію не вѣрь, —
Мало въ жизни счастья,
Много въ ней потерь.
Не люби безумно.—
Что любовь? пройдетъ!
И она отрады.
Нѣтъ! не принесетъ.
Не робѣй предъ горемъ,
Тверже будь — крѣпись;
Все сноси съ терпѣньемъ.
Вѣруй да молись.

Нѣтъ, не поется и пѣсня мнѣ что-то;
Хочется плакать, жаль мнѣ кого-то...
Бѣдное сердце такъ ноетъ въ груди,
Право хоть просто на свѣтъ не гляди;
Страстно и нѣжно люблю я кого-то.
Кто-то мнѣ милъ, да и дорогъ мнѣ кто-то.
Вотъ потому-то и грудь надрывается,
Сердце болитъ и разсудокъ теряется.

Прожитое.

Осенью—въ полночь глухую, глубокую,
Когда всюду царитъ тишина и покой,
Точно какъ сонъ, прожитую, далекую
Вижу жизнь я свою предъ собой.
Словно какъ тѣни встаютъ пережитые
Дни и годы безсвязной толпой.
Вотъ чьи то лица, давно позабытыя,
Мѣрно идутъ предо мной.
Все это грустно и мрачно является
Моимъ взорамъ въ ночной тишинѣ;
Чье-жъ это личико мнѣ улыбается
Тамъ отъ другихъ въ сторонѣ?...
Смутно я помню, какъ дивно катилася
Жизнь моя вмѣстѣ съ твоей:
Помню потомъ, какъ все вдругъ измѣ-
нилося —
Насъ разлучили, жизнь стала мрачнѣй.

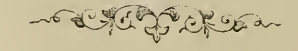
Помню я, какъ тебя отняли силою,
Запретили потомъ даже думать о мнѣ.
Гдѣ же ты, личико, вѣчно мнѣ милое,
Съ кѣмъ ты теперь и въ какой сторонѣ?
Все то окончилось, все миновалося,
Все безвозвратно на вѣки прошло,
Все, отчего порой сердце сжималося,
Все, что такъ душу ласкало и жгло.

***

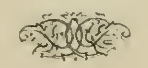
Страшно мнѣ и больно
И томится грудь,
Непремѣнно будетъ
Со мной что нибудь...
Вѣдь недаромъ сердце
Такъ стучитъ въ груди,
Вѣрно оно чуетъ
Что то впереди...
Что то все смущаетъ
И томитъ тоскою.
Грустно мнѣ, Богъ знаетъ
Что будетъ со мною...
Станетъ вдругъ отрадно
И легко порою,
А иной разъ слезы
Потекутъ рѣкою.

То мнѣ льститъ надежда,
То томитъ сомнѣнье,—
Что-жъ это такое?
Нѣтъ больше терпѣнья!
А порою кто-то
Шепчетъ въ тишинѣ,
Что быть можетъ счастье
Улыбнется мнѣ.
Страшно мнѣ и больно
И томится грудь,
Непремѣнно будетъ
Со мной что нибудь.

Много здѣсь блеску, много здѣсь шуму,
Слышу я шутки, и смѣхъ, и молву: —
Молча стою я и думаю думу,
Думу о томъ, какъ я жизнь проживу?
Какъ-то я бѣдный, безъ силы, безъ счастія,
Одиноко вдаль жизни своей поплетусь:
Какъ-то я, какъ безъ друзей, безъ участія
Съ свѣтомъ, съ людьми обживусь?
Хватитъ-ли твердости, силы, умѣнія
Съ горемъ бороться, съ людьми, съ клеветой.
Вынесу-ль твердо я всѣ искушенія,
Какъ-то я встрѣчусь съ нуждой?
Страшно мнѣ станетъ лишь только подумаю.
Сердце заноетъ, волнуется грудь,
Чѣмъ-то покончу я съ жизнью угрюмою.
Страшно впередъ заглянуть.

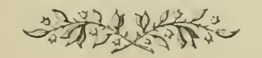

Экое время какое—
Стѣны отъ вѣтра трясутся;
Старыя сосны да ели,
Точно какъ тросточки гнутся.
Кончилось, минуло лѣто,
Красные дни отлетѣли;
Снова зима воротилась,
Снова вьюга да мятели.

Съ восторгомъ я внималъ пѣвцу,
Казалось мнѣ, что я подъ небесами,
И слезы тихо по лицу
Катились цѣлыми ручьями.
Но замеръ звукъ, пѣвецъ затихъ,
И слезы перестали литься;—
Такъ часто на одинъ лишь мигъ
Богъ судитъ счастію продлиться.

За работой и скучной и трудной
Ты заснула и видѣла сонъ
Не простой, а волшебный сонъ чудный.
Былъ онъ дивъ и чудесъ разныхъ полнъ,
И проснувшись, ты долго мечтала
Все объ этомъ таинственномъ снѣ,
А работа забытой лежала,
Вся измокнувъ, на влажномъ окнѣ.

Вопросъ.

Посвящается П. П. Брискоринъ.

Не блестя, не шумя,
Пробѣжитъ моя жизнь,
    И никѣмъ-то она не вспомянется!
И зароютъ потомъ,
Обозначивъ крестомъ...
    Только насыпь да крестъ и останется.
Вотъ и все, вотъ и жизнь,
Вотъ и весь результатъ,
    Что отъ жизни намъ всѣмъ остается.
Для чего-же я жилъ
И страдалъ и любилъ?
    Кто рѣшить мнѣ все это возьмется?

Молчитъ мой умъ,
И чувствъ ужъ нѣтъ, нѣтъ чувствъ въ
въ моей груди,
А въ головѣ такъ много думъ,
Такъ много горя впереди...
И много, много было дней,—
Нѣтъ, грустно вспоминать!
Не хватитъ звуковъ и рѣчей
Былое передать...
И люди гнали, и судьба
Давила и гнела,
И много жизни отняла
Неровная борьба;
И сколько я истратилъ силъ,
А что-же мнѣ дано?...

И сколько вѣрилъ я, любилъ,
Все кончено давно!...
И сожалѣть, и вспоминать
Безплодно и смѣшно...
Да и зачѣмъ, вѣдь вновь опять
Ужъ не придетъ оно...

Тороплюсь я весь вѣкъ и чего то все жду,
Въ сердцѣ много, такъ много желаній!
Но вѣдь въ жизни своей я едва-ль что найду,
Кромѣ горя, да тяжкихъ страданій.
И томиться зачѣмъ? и чего ожидать?
Скоро выбьюсь совсѣмъ я изъ силы,—
Суждено видно мнѣ, лишь терпѣть да страдать —
Вплоть до самой холодной могилы.

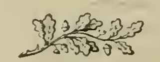
Посвящается Н. Н. Дриго.

Звуки.

О! музыки звуки,
Какъ много въ васъ силы.
При васъ даже муки
Становятся милы!
При васъ замираютъ
Всѣ злыя желанья,
И въ сердцѣ невольно
Стихаютъ страданья,
При васъ и на жизнь-то,
Съ ея мелочами,
Ужъ смотришь не съ злобой,
Но грустно, съ слезами;
И все при васъ чище,
Сносливѣй, свѣтлѣе,
И чувствуешь больше,
И вѣришь теплѣе.

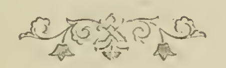

Не всѣмъ, не каждому здѣсь въ жизни намъ дано
Знать радости, любовь, покой и наслажденья,
Нѣтъ, большей части суждено
Испытывать нужду, невзгоды, грусть, мученья.
И есть такіе пасынки судьбы,
Что весь ихъ вѣкъ судьба надъ ними лишь смѣется,
И безъ труда, усилій и борьбы
Имъ ничего здѣсь не дается,
И будто сжалившись надъ ними иногда,
Судьба порой на нихъ съ улыбкой взглянетъ,
Пошутитъ, обольститъ, измучаетъ, обманетъ,
Но счастья прочнаго не дастъ имъ никогда.

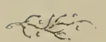
На рѣкѣ подлѣ камня сѣдого
Одиноко челнокъ колыхался;
Разъ случилася страшная буря:
Челнъ въ бурливое море умчался,
И стоитъ—призадумался камень,
Точно будто о чемъ вспоминая,
А вокругъ шумятъ бурныя волны,
Бѣлой пѣной его обдавая.

Ты молодъ, милый другъ, и жизнь тебя манитъ,
И полонъ ты надеждой, упованьемъ;
Все улыбается теперь тебѣ и льститъ,
Но это до поры, до перваго страданья.
До первыхъ грустныхъ дней
Невзгодъ, разувѣреній,
Надеждъ несбывшихся, подавленныхъ страстей
И недостигнутыхъ стремленій.
И потечетъ тутъ жизнь твоя уныло,
И будешь ты надѣятся и ждать,
И плакать, можетъ быть, томиться и страдать.
Спаси Господь тебя, мой милый!
А тутъ еще какъ разъ и жизнь обманетъ, обойдетъ,
И, обольстивъ, безжалостной рукою

Все сердцу близкое отниметъ, оторветъ
И насмѣется надъ тобою.—
И скажешь ты тогда, какъ пустъ и мраченъ свѣтъ.
Какъ много горя въ немъ, а радостей какъ мало!
И самъ познаешь ты, что многаго ужъ нѣтъ,
Что прежде въ немъ тебя манило и ласкало.

Море волнуется, море шумитъ,
По небу черныя тучи несутся,
И волна отъ волны отдѣляясь бѣжитъ.
Гдѣ-жь онѣ снова сойдутся?..
Занесетъ бурей ихъ неизвѣстно куда.
Въ океанъ или въ море другое,
И другъ съ другомъ имъ вновь не сой-
тись никогда.
Не вернуться имъ въ море родное.
Такъ и мы, милый другъ, въ морѣ жизни
неслись.
И теперь, и теперь мы несемся,
Но ужъ порознь,—давно мы съ тобой
разошлись.—
И Богъ вѣсть, гдѣ мы снова сойдемся!

Занесетъ, занесетъ жизнь насъ. Богъ
въсть куда!
Будемъ чужды одинъ для другого:
Не сойтись намъ, мой другъ, никогда, ни-
когда
И не вспомнить намъ вмѣстѣ былого.

Татарская пѣсенка.

Разбивается камень о камень,
Точитъ камень рѣчная вода,
Только горе ничто не подточитъ.
На него не приходитъ бѣда!
Сердце бѣдное мучатъ невзгоды,
И грызетъ роковая нужда;
Идутъ дни, а за ними и годы
Пробѣгаютъ, Богъ знаетъ куда!
Нѣтъ, счастья нѣтъ, да и горе не хочетъ,
Знать, отстать отъ меня никогда,
И долбитъ оно бѣдную душу
Такъ, какъ камень рѣчная вода.

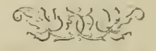

Облака.

Каждый разъ, какъ по небу плывутъ облака
Разноцвѣтною пестрой толпою,
Одиноко на нихъ я смотрю
И всегда имъ вослѣдъ говорю:
Унесите меня вы съ собой,
Унесите меня поскорѣй
И подальше отъ грѣшной земли,
Гдѣ бы страсти, тоска и любовь
Мою душу терзать не могли.

Ни смысла, ни цѣли нѣтъ въ жизни постылой,
Все какъ то притихло, заснуло въ груди;
Брожу одинокій измученный, хилый,
И знаю, что нечего ждать впереди.
Давно отлетѣли надежды и силы,
Я тратилъ ихъ много въ неравной борьбѣ;
Исходъ мой одинъ вѣдь — сырая могила.
Удѣлъ-же — покорность судьбѣ.

Когда всѣ заснутъ,
И въ ночной тишинѣ
Я радъ бы поплакать,
Да не о комъ мнѣ...
Я радъ бы припомнить,
Да что вспоминать?
Вѣдь прежніе годы
Не придутъ опять!
И вновь не вернутся
Счастливые дни,
Хоть было ихъ много,
Но сгибли они...
Когда всѣ заснутъ,
И въ ночной тишинѣ
Я радъ помечтать-бы,
Да не о чемъ мнѣ.

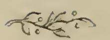
Тихія радости, сны безмятежные,
Ласки, участье, любовь,
Рѣчи любовныя, теплыя, нѣжныя —
Нѣтъ, не придете вы вновь!...
Нѣтъ, не вернетесь вы! жизнь опостылая
Свѣтлый вашъ слѣдъ замѣла:
Все дорогое мнѣ, близкое, милое,
Все то разбила и все то взяла!
Близокъ конецъ, лишь тоска да сомнѣніе
Зло копошатся въ груди;
Нѣтъ ни надежды мнѣ, нѣтъ ни стремленія,
Нѣтъ ничего впереди!

* *
*

Пропало все, погибъ я безвозврата;
Вернуться не къ чему, все мрачно впереди:
Все такъ поругано, что сердцу было свято:
Все такъ надорвано,—въ измученной груди
Отзыва нѣтъ, надежды отлетѣли;
Загублены стремленья навсегда:
Брожу затерянный, ни смысла и ни цѣли
Нѣтъ въ жизни мнѣ; нѣтъ силъ и для
труда,
Лишь память о быломъ, о прошломъ, обо-
яньемъ
Своимъ святымъ, порой животворитъ мой
умъ больной.
Миритъ на мигъ съ страданьемъ,
Но прежнихъ дней не оживитъ.

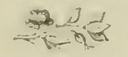

Много на сердцѣ ранъ
Мнѣ друзья нанесли:
Опостылъ ихъ обманъ.
Страсти грудь изожгли...
Что лелѣялъ, любилъ.
Въ томъ любви не нашелъ:
Чему вѣрилъ, въ томъ Богъ
Обмануться привелъ.

Много въ жизни страданій и бѣдъ,
Много горя и злыхъ обольщеній.
Одного только въ ней—это счастія нѣтъ.—
Да еще не для всѣхъ есть терпѣнье...
Терпитъ, терпитъ бѣдняга иной,
Коротая свой вѣкъ одиноко,
Измельчаетъ, падетъ онъ разбитой душой
И погрязнетъ въ развратѣ глубоко.

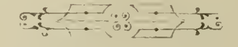
Одинъ мой путь, одна моя дорога,
Дорога трудная; пусть судитъ меня Богъ,
Пусть видитъ Онъ, какъ я боролся много,
Какъ я страдалъ, но справиться не могъ.
Гдѣ-жъ было справиться? коль сердце и желанья,
Такъ шли на перекоръ разсудку и уму,
Бурлили кровь мою, и посреди страданья
Мнѣ такъ хотѣлось жить, такъ вѣрилось всему!

На мотивъ «Метра» вальсъ Оливье.

Все безпробудно заснуло
Въ бѣдной изнывшей груди:
Счастье давно обмануло.
Нечего ждать впереди...
Юности пылкой желанья,
Въ свѣтѣ холодномъ сгубя,
Страстью былой, упованьемъ,
Не увлекаю себя.
Жизни суровыя грозы
Рано пресѣкли любовь;
Чудныя дѣтскія грезы,
Нѣтъ, не придете вы вновь.
Гдѣ вы лукавые глазки,
Гдѣ ты, мой другъ, дорогой?
Полныя нѣжности ласки.
Полный отрады покой?

Все безвозвратно промчалось.
Только отъ радостныхъ дней
Воспоминанье осталось
Въ памяти дряхлой моей.
Минуло юности лѣто,
Старости осень пришла;
Пѣсня моя уже спѣта,
И ужъ на вѣкъ замерла.

Посвящается Сашѣ Багратіонъ-Мухранскому.

Прими на память образокъ
Не цѣнный, а простой:
Пусть будетъ онъ тебѣ въ залогъ
Моей любви святой.
И да хранитъ тебя Творецъ
Отъ бурь и непогодъ!
Да будешь честный ты боецъ
И твердъ среди невзгодъ.
Молись, пока еще ты малъ,
Пока ты чистъ душой,
Молись, покамѣсть не узналъ,
Что звать печалью, что нуждой.
Молись, средь скорби и труда,
И горя, и потерь;

И тѣхъ, кто молится, повѣрь,
Богъ не оставитъ никогда!..
Промчатся дни, пройдутъ года
Какъ сонъ... и можетъ быть
Насъ рокъ разрознитъ навсегда:
Мы будемъ розно жить,
И, если жизнь моя скорѣй
Угаснетъ чѣмъ твоя,
Тогда ты вспомни обо мнѣ
И помолись теплѣй.

Не для меня вы сверкаете глазки
Полные страсти, любви и огня;
Мнѣ недоступны любовь ваша, ласки,
Такъ не терзайте-жъ, не мучьте меня.
Въ жизни и такъ я не зналъ утѣшенья,
Радости свѣтлой, восторженныхъ грезъ,
Кромѣ мучительной пытки терпѣнья,
Съ горечью тайной непрошенныхъ слезъ.
Или вы мукъ еще новыхъ хотите,
Взглядами страсти волнуя мнѣ кровь.
Иль вы и въ правду жестокіе мните
Въ сердцѣ отжившемъ затеплить любовь.
О не смотрите! молю—не смущайте!
Душу больную довольно томить...
Лишь наглядѣться въ послѣдній разъ дайте
И ужъ тогда... хоть на вѣкъ васъ забыть.

Посвящается дорогому Эмочкѣ Грюнбергъ.

Когда нибудь, въ раздумья часъ,
Вамъ въ зрѣломъ возрастѣ придется
О прошломъ вспомнить лишній разъ,
И передъ вами пронесется
Годовъ прошедшихъ длинный рядъ,
Забытыхъ лицъ и чувствъ уснувшихъ,
И, какъ знать, можетъ быть вашъ взглядъ.
Средь этихъ призраковъ минувшихъ.
Падетъ на этотъ даръ ничтожный—
Подарокъ скромный—отъ души.
Ручаться трудно, все возможно,
Быть можетъ вспомните въ тиши:
Далекій вечеръ, звукъ рояля
И чей-то образъ... чей-то взглядъ
Привѣтный вамъ блеснетъ изъ дали;—
Вернувшись мыслію назадъ.

Вы вспомните какъ танцовали.
Какъ увлекали всѣхъ собой
Въ кругу семьи своей родной.
Въ своемъ родномъ уютномъ залѣ...
Такъ пусть подарокъ небольшой,
Когда нибудь, чрезъ много лѣтъ,
Напомнитъ вамъ, какъ всей душой
Любилъ и помнилъ васъ поэтъ.

Дж. К.

Съ момента нашего прощанья,
Всегда, вездѣ и всей душой
Я шлю привѣтъ и пожеланья
Тебѣ, мой милый, дорогой.
Пусть эти чудные глазенки
Всегда отъ счастія горятъ,
И эти жемчуги-зубенки
Въ улыбкѣ радости блестятъ.
Пусть надъ твоей головкой грозы
Въ порывѣ бурномъ не пройдутъ,
И жизни бури и морозы
Твоихъ кудрей не разовьютъ.
Но въ этой жизни скоротечной.
Подъ знаменъ мира и любви,

Спокойно, весело, безпечно
Ты, ненаглядный мой, живи!
И тѣхъ, кто искренне, глубоко
Тебя такъ любятъ, осіяй
Твоей улыбкой издалека.
И помни ихъ, не забывай!..

* * *

Въ альбомъ N N.

Не могу, чтобъ не сознаться,
Не хочу я и солгать,
Не умѣю я писать
И стихами выражаться.
Вотъ отъ этихъ-то признаній
Не моимъ ужъ, видно, лбомъ
Мнѣ соваться въ votre альбомъ,
Не смотря на все желанье.

Въ альбомъ А. Ф. Аленевой.

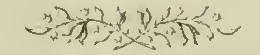
Что Вамъ сказать на этотъ разъ?
Въ душѣ привѣтствую я Васъ,
А въ сердцѣ мыслю: не глумитесь!
Коль Вамъ когда, чрезъ много лѣтъ.
Альбомъ сей въ руки попадется
И вдругъ, нечаянно, придется
Припомнить, что «блажной» поэтъ
Когда то жилъ, чему-то вѣрилъ.
Хоть одъ высокихъ не писалъ,
Но никогда не лицемѣрилъ.
И Вамъ всегда всѣхъ благъ желалъ.

Посвящается моимъ хорошимъ знакомымъ.

О! если-бъ въ день Вашей серебряной
свадьбы
Звучалъ музыкальнѣй и громче мой стихъ:
Я лучшаго, право, не могъ и желать-бы,
Чтобъ выразить пламень стремленій моихъ.
Увы! робкій стихъ мой неловокъ и грѣшенъ,
Въ немъ силы, хватающей за душу, нѣтъ:
Но тѣмъ я еще, хоть не много, утѣшенъ,
Что прямо отъ сердца шлю Вамъ свой
привѣтъ.
Исполнены вѣры, труда и познанья —
Мы въ жизни стремимся, хоть разной
стезей,

И въ праздникъ сей, въ общемъ для насъ
ликованьи.
Мы жизненной радостью дышемъ одной.
Вина, подъ рукой, къ сожалѣнью нѣту,
Но мысленно все-жъ я съ бокаломъ стою.
Желая Вамъ встрѣтить, чрезъ многія лѣта.
Счастливо и весело свадьбу свою.

N N . . .

Забрызганный водкой и пивомъ залитый,
Отверженный Богомъ, людьми и семьей,
Надломленный, хилый и всѣми забытый
Бредешь ты тернистой своею стезей.
Какъ видно, на все ты махнулъ ужъ рукою,
Безпечно болтаешь, смѣшишь и поешь,
А самъ, одиноко, съ смертельной тоскою
Въ грядущемъ всегда новыхъ ужасовъ ждешь.
Ни въ комъ ты не ищешь любви и участья,
Никто не проронитъ слезы надъ тобой.
Отвыкъ отъ довольства, не вѣруешь въ счастье,
Давно ужъ не споришь съ судьбой.

Много поютъ про меня злыя кумушки...
Я же доволенъ однимъ:
Всѣ-то свои безъисходныя думушки
Думалъ съ собой я самимъ.
Все, что въ груди моей бѣдной творилося,
Вѣдалъ одинъ только я.
Что въ головѣ безпріютной роилося,
Знала подушка моя.
Слезы незримыя, слезы безвѣстныя,
Тѣ—что мнѣ грудь изожгли,—
Только однѣ-то лишь звѣзды небесныя
Ночью ихъ видѣть могли.

Посвящается Л. В. Юргенсъ.

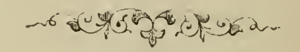
Подарокъ мой по красотѣ,
Иль по изяществу искусства
Онъ не блеститъ; но въ простотѣ,
И подъ вліяніемъ къ Вамъ чувства.
Хотѣлъ я просто Васъ невольно
Заставить вспомнить обо мнѣ,
И, если вспомните, вполнѣ
Я буду счастливъ мнѣ довольно...

При встрѣчѣ съ Вами каждый разъ,
Всегда я чувствую волненье.
Меня преслѣдуютъ сомнѣнья
И ночью, не смыкая глазъ,
Я Вами брежу безпрестанно;
Схожу съ ума, и, право, странно
Я сталъ завидовать всему:
Я часто мыслю: почему
Не быть мнѣ брошью иль серьгами?
Висѣть въ ушкахъ и на груди,
Всегда, вездѣ быть вѣчно съ Вами,
И много, много впереди
Больныхъ фантазій и желаній...
Имъ даже нѣтъ и описаній.
Быть Вашей кофточкой, примѣрно,
И чудный станъ Вашъ облегать,—
Я отдалъ все бы, все навѣрно,
Чтобъ этимъ счастьемъ обладать!..
Вашъ башмачекъ меня смущаетъ,

Зачѣмъ онъ ножку, а не я,
Въ своихъ объятіяхъ сжимаетъ.
И тутъ опять тоски змѣя
Ползетъ мнѣ въ душу, что-жъ, ужъ знайте,
Мнѣ самолюбье ни почемъ;
Какъ Вы меня не презирайте,
Я быть готовъ подъ башмачкомъ.

Экспромтъ.

Посвящается нѣкоему милому лгуннику.

Пусть эта пестрая скуфья
Собой Васъ скраситъ и согрѣетъ,
И сколько темокъ для вранья
Подъ ней родится и созрѣетъ.

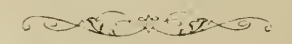
(Приподнесеніи яхтъ-клубской пестрой шапки).

І. Ф. К.

Въ далекій край, въ страну цвѣтовъ,
Въ страну тепла и обоянья
Ты улетишь отъ нашихъ льдовъ,
Отъ вѣчныхъ вьюгъ и прозябанья.
И тамъ порой, когда-нибудь,
Среди чудесъ восторговъ юга
Далекій сѣверъ не забудь,
И вспомни любящаго друга.

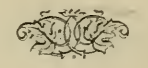
Кому-то . . .

Когда подъ вечеръ, въ часъ захода,
Прорвется солнышко сквозь тучъ,
И на усталую природу
Уронитъ свой прощальный лучъ.
Такъ мнѣ на склонѣ дней печальныхъ
Своею дѣтскою душой
Блеснули вы лучемъ прощальнымъ
Предъ ночью вѣчной—гробовой.
И душу сонную сіяньемъ
Своей сердечной простоты,
Своимъ сердечнымъ обаяньемъ
Вы извели изъ темноты.
И вотъ за мигъ тепла и свѣта.
Средь мрака, холода и грозъ,
Я радъ, что мнѣ хотя за это
Служить стихами вамъ пришлось.

Нѣкоему хлѣбосольному фотографу Н. И. А.

Здѣсь, между стклянками виража
И разведеннымъ серебромъ,
Найдемъ мы водочку и даже
Бутылки съ пѣнистымъ виномъ.
Здѣсь, между массою шедевровъ,
Всегда ласкающихъ вашъ глазъ,
Въ столовой чудные ордевры
Радушно ожидаютъ васъ.
Въ самихъ хозяевахъ, ихъ тонѣ
Всегда такъ много простоты.
На бѣломъ и на темномъ фонѣ
Всегда отлично выйдешь ты.
Лишь послѣ выпивки обильной,
Способность зрѣнія сгубя,
Подъ часъ налижешься такъ сильно,
Что не узнаешь и себя.

Въ альбомъ В. М. Мамчичъ.

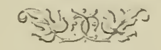
Быть можетъ нѣкогда, съ годами,
Вы окруженная семьей,
Когда сберутся передъ вами
Внучата шумною толпой.
Вы, молвятъ. бабушка сказали,
Когда вы были молодой,
Что вы лизгинку танцовали,—
Матлётъ, вальсъ вѣнскій, вальсъ простой;
Вы намъ, родная, покажите, какъ танцовали въ старину.
Потѣшить внуковъ коль хотите,
И вотъ, забывши сѣдину,
Своими дряхлыми ногами,
Кряхтя, пускаетесь вы въ плясъ.
Что станешь дѣлать съ шалунами.

Потѣшить надо ихъ хоть разъ.
И, тѣша внуковъ, можетъ тайно
Вздохнете вы о старинѣ,
О дальнемъ прошломъ, и случайно
Быть можетъ вспомните о мнѣ,
О вѣчно пляшущемъ поэтѣ,
Остановивъ на прошломъ взоръ,
Гдѣ онъ? На томъ или этомъ свѣтѣ,
Быть можетъ, пляшетъ до сихъ поръ.

В. С. Мамчичъ.

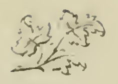
При общей сухости ума,
И при повальномъ эгоизмѣ
Въ васъ все-жъ живетъ радушья тьма.
Тьма снисходительности, жизни.
Про васъ всѣмъ скажетъ молодежь—
Всегда въ восторгѣ отъ привѣта.
Такихъ людей ужъ не найдешь,
Хоть обойди всѣ части свѣта.

Посвящается Е. В. Бараевой.

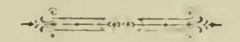
Дай Богъ на поприщѣ искусства
Вамъ честно, искренне служить.
Всегда хранить святое чувство,
Подольше съ пользою вамъ жить.
Коль записались ужъ въ артисты.
Придется трудною стезей
Всю жизнь идти, стезей тернистой,
Не поникая головой.
И вѣрьте, козни и интриги
Съ теченьемъ времени пройдутъ,
И эти тяжкія вериги
Васъ къ храму славы приведутъ.

Сотоварищу по искусству М. И. Щербинской.

Всю жизнь подъ музыку живя,
Трудясь, терпя и уповая,
Смѣлѣй впередъ, не унывая,
Идите, счастіе ловя.
Что за бѣда, что сгибли грезы,
Минули лучшіе года,
Что часто, часто иногда
Мы веселимъ другихъ сквозь слезы.
Что трудъ тяжелый и пустой
Не приведетъ насъ къ храму славы:
Хоть мы артисты всей душой,
Но служимъ только для забавы.
И намъ, повѣрьте, тоже рокъ
Судилъ юдоль свѣтлѣй и чище,
Когда укромный уголокъ
Мы заполучимъ на кладбищѣ.

Что и чины, если нѣтъ ветчины.

(Сказка).

Сашѣ Багратіонъ-Мухранскому на память.

По широкому темному лѣсу ѣхалъ мужичекъ въ городъ съ окороками. Вотъ ѣдетъ онъ потихоньку, постегиваетъ по временамъ своего гнѣдка, да тянетъ себѣ подъ носъ унылую пѣсенку. Ѣхалъ онъ этакъ, ѣхалъ, да и не замѣтилъ, какъ у него съ воза упалъ одинъ окорокъ и остался на дорогѣ; проѣхалъ мужикъ. Черезъ нѣсколько времени, по тому-же самому пути идутъ волкъ, лиса да медвѣдь; и разговариваютъ о чемъ-то между собою.

Вдругъ лиса метнулась въ сторону, въ другую,— навострила уши и давай кругомъ обнюхивать; долго кружилась она, долго и тщательно разнюхивала по всѣмъ сторонамъ и, наконецъ, говоритъ волку съ медвѣдемъ:

— Слышите-ли, любезные куманьки, какъ ветчиной что-то вдругъ запахло?

— Не мудрено, кума, что можетъ и запахло, сказалъ хладнокровно медвѣдь, продолжая идти далѣе.

— Тутъ вотъ недавно проѣзжалъ мужикъ съ окороками, такъ, пожалуй, отъ нихъ и остался запахъ, заключилъ кумъ-волкъ.

— Нѣтъ, кумъ, не то ты говоришь, снова запищала лиса, усердно обнюхивая каждый кусточекъ: это что-то очень близко пахнетъ, а вотъ лучше давайте-ка поищемъ!

— Поищемъ, кума, отчего не поискать! промолвили въ одинъ голосъ, на все согласные, оба кума и начали искать; но не успѣли они отойти и десяти шаговъ

отъ того мѣста, на которомъ разговаривали, какъ увидѣли окорокъ сочной и вкусной на видъ ветчины;—ахнули оба кума отъ удивленія и радости, а кума-лиса такъ и разстаяла, такъ слюнки и потекли, такъ и юлитъ на одномъ мѣстѣ, не спуская глазъ съ окорока.

— Ужъ вы какъ хотите, куманьки любезные, а окорокъ мой, вѣдь я первая его почуяла, и вамъ будетъ большой грѣхъ и стыдъ, если вы меня безащитную обидите, жалобно пропищала она, уронивъ при этомъ двѣ крупныя слезинки.

— Нѣтъ, кума, вотъ ужъ что не такъ, такъ не такъ! если судить какъ слѣдуетъ, то выходитъ, что окорокъ какъ есть мой,— буркнулъ медвѣдь, съ укоромъ глядя на лису, вѣдь я первый-то увидѣлъ его.

— А если не твой, вмѣшался волкъ, обращаясь къ медвѣдю, развѣ ты забылъ, что я первый подбѣжалъ сюда?

И началась съ этого у кумовьевъ ссора; спорили, спорили они, ссорились, ссорились, доходило дѣло и до драки, наконецъ

надоѣло имъ все это и порѣшили они покончить другъ съ другомъ дружелюбно.

— Но какъ же бы сдѣлать-то-это? повторяла ежеминутно лиса, кружась, какъ ошалѣлая, на одномъ и томъ-же мѣстѣ.

Думали всѣ, думали, ломали, ломали головы, но долго ничего не могли выдумать. Наконецъ медвѣдь, вспомнивъ, что онъ всѣхъ старше, вздумалъ схитрить немножко и предложилъ куму и кумѣ такую штуку: что пусть-де окорокъ достанется тому, кто докажетъ, что онъ всѣхъ старше.

— Ладно, сказала лиса, тотчасъ-же смекнувъ въ чемъ дѣло, я согласна: ну а ты что скажешь на это, кумъ, обратилась она къ волку.

— И я, пожалуй, согласенъ, сказалъ нехотя волкъ.

Послѣ общаго согласія, опять всѣ трое начали думать да раздумывать, что какъ бы лучше доказать другъ передъ другомъ свое старшинство... Наконецъ медвѣдь

первый всталъ съ своего мѣста и, обращаясь къ волку и лисѣ, сказалъ:

-- Не знаю какъ вы, а я хоть сейчасъ могу доказать вамъ, что я всѣхъ васъ старше.

— Докажи, кумъ, докажи! молвили волкъ и лиса, мы слушаемъ.

— Не начинался свѣтъ, а я ужъ былъ сѣдъ, сказалъ медвѣдь, и хотѣлъ протянуть свою лапу къ окороку.

— Нѣтъ, кумъ, постой! загараторила лиса, я сама у Адама была первая дама, а поэтому и я также могу считать окорокъ своимъ!

— Можетъ быть и такъ кума, да вотъ еще надо спросить объ этомъ у кума-волка, съ видимой досадой промычалъ медвѣдь.—Ну, кумъ, ты что не говоришь? теперь твоя очередь, сказалъ медвѣдь волку.

Волкъ подумалъ, подумалъ, помялся, помялся на одномъ мѣстѣ, да и бухнулъ съ разу:

— А я такъ, братцы, не разбираю

ваши чины, а потому и беру себѣ окорокъ ветчины.

Съ этими словами, онъ схватилъ окорокъ да и далъ съ нимъ тягу, оставивъ куму и кумушкѣ разбирать на просторѣ свое старшинство.

— А что, куманекъ, кто старше? со злобною усмѣшкою пропищала лиса.

— Эхъ! кума, что тутъ чины, если ужъ нѣтъ ветчины.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ц. 50 к.